

А. И. ЗАЛЕСКИЙ

ОБ ОТНОШЕНИИ БЕЛОРУССКИХ КОЛХОЗНИКОВ К РЕЛИГИИ И О РОСТЕ АТЕИЗМА

*(По материалам колхоза им. П. Я. Пономаренко Загальского сельсовета
Любанского района Минской области)*

Для успеха научно-атеистической пропаганды первостепенное значение имеет знание тех конкретных условий, в каких живет население, среди которого ведется эта пропаганда. Следует изучать историческое прошлое и социально-экономические условия жизни данной группы населения, характер распространенных здесь вероисповеданий, степень влияния служителей религиозного культа, подлинное отношение населения к религии и степень распространенности атеистических взглядов.

В изучении этих условий большую роль призваны сыграть советские этнографы. В выяснении и объективном освещении некоторых явлений роль этнографов имеет первостепенное значение. Так, например, подлинное отношение к религии со стороны каждого в отдельности жителя той или иной деревни не в состоянии показать никакая официальная статистика. Это можно установить только путем внимательного этнографического наблюдения.

В настоящей статье делается попытка показать на конкретных примерах сложность условий, в которых складывается отношение колхозников к религии, зарождаются и развиваются атеистические взгляды. В качестве объекта этнографического изучения, которое проводилось в 1954—1955 гг., нами был взят один из колхозов белорусского Полесья — колхоз им. П. К. Пономаренко Любанского района Минской области. Этот укрупненный колхоз объединяет шесть населенных пунктов, входивших прежде в состав трех небольших сельскохозяйственных артелей.

* * *

Чтобы правильнее понять нынешнее отношение колхозников сельхозартели им. П. К. Пономаренко к религии, необходимо остановиться по крайней мере на следующих условиях, характерных для данного района в различные исторические периоды: 1) религиозные отношения в период борьбы Речи Посполитой и Русского государства из-за интересующей нас территории, 2) успехи атеистической пропаганды в условиях Советской власти и колхозного строя до Великой Отечественной войны, 3) своеобразие сложившейся здесь обстановки в период войны.

В населенных пунктах, входящих ныне в колхоз им. П. К. Пономаренко, имеют распространение два вероисповедания: православное (среди большинства жителей) и католическое. В этом районе, как и на всей территории Белоруссии и Украины, вопросы религии с давних пор занимали видное место в сложнейших перипетиях социальной и нацио-

* Доклад на этнографическом совещании в Ленинграде, в мае 1953 г.

нальной борьбы. Здесь во времена владычества польских феодалов проводилось насильственное ополячивание и окатоличивание местного населения. В годы жестокой реакции при Николае I правительством проводилось обращение униатов в православную веру. Это, на наш взгляд, привело к пассивному отношению изучаемого населения к вопросам религии, к ее основным догматам и обрядам. Это же в годы Советской власти сыграло здесь, по нашему мнению, некоторую роль в сравнительно успешном распространении атеизма.

Религиозные колхозники-белорусы не выступают в изучаемом районе с особым рвением в защиту своей (православной или католической) веры в противовес другой. «Между католиками и православными,— говорят они,— есть стена, но она не до неба, через нее перелезть можно».

Так, например, уже в советское время крестьянка-католичка А. С. (дер. Старосек) вышла замуж за православного крестьянина В. М. Они венчались в церкви, детей тоже крестили в церкви, но жена, приняв православие, продолжала ходить в костел. Православный крестьянин этой же деревни В. Л. женился на белоруске-католичке Э. Т.

О безразличии местного населения к деталям, отличающим католический ритуал от православного и наоборот, говорит, например, такой факт. С хутора Кривая в 1930-х гг. был выслан кулак. Он где-то приобрел католическую икону с надписью на немецком языке. Эту икону взяла себе православная крестьянка С. из дер. Старосек. Потом она отдала ее своему сыну, когда тот женился. После смерти первой жены он женился второй раз, а в годы Отечественной войны погиб на фронте. Икона до сих пор висит у его второй жены. Таким образом, в доме, где живет православная семья, никто теперь не может объяснить, что это за икона, что на ней написано и откуда она попала в эту деревню.

Большие успехи в научно-атеистической пропаганде были достигнуты в Загальском сельсовете Любанского района еще до Отечественной войны. За годы коллективизации среди колхозников этого сельсовета серьезно изменилось отношение к религии, получили широкое распространение атеистические взгляды.

«В результате глубоких изменений социально-экономических условий жизни,— говорится в постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г.,— ликвидации эксплуататорских классов, победы социализма в СССР, в результате успешного развития науки и общего роста уровня культуры страны большинство населения Советского Союза давно уже освободилось от религиозных пережитков...»¹

Убедительным показателем роста атеизма населения не только Загальского сельсовета, но и всего Любанского района было прекращение деятельности большинства церквей и костела в этом районе. Церкви и костел закрывались по решению общих собраний населения — бывших прихожан.

Многие колхозники до войны отказались от крещения детей и перестали обращаться к служителям культа для совершения этого обряда. Обряд венчания совершался тогда еще реже. «До войны почти никто не венчался»,— говорит колхозник дер. Подлуг Д. Я. Рядовые колхозницы О. Ч. и А. Е. из дер. Старосек, рассказывая о том, как они выходили замуж перед войной, подтверждают, что также не совершали обряда венчания.

Подавляющее большинство колхозников изучаемого района до войны не молилось. Перед Отечественной войной многие колхозники, даже знавшие молитвы, не молились и считали чтение молитв бесполезным и ненужным делом. Другие не молились потому, что не знали молитв, с детства воспитываясь в атеистическом духе.

¹ «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», Постановление ЦК КПСС, «Правда» от 11 ноября 1954 г.

Известно, что за период тяжелейшей для нашего народа войны с немецко-фашистскими оккупантами и в первые послевоенные годы религиозные настроения усилились. Это произошло у людей, которые и до войны были верующими, или у тех, кто по-настоящему еще не успел порвать с религией, и объясняется тяжелыми жертвами, лишениями, вызванными войной, тревогой наших людей за судьбы родных, близких, друзей, товарищей. Сохранение религиозных пережитков объясняется и наличием капиталистического окружения, которое всякими путями и средствами старается поддержать и закрепить их. Отрицательно сказалось в этом деле ослабление научно-атеистической пропаганды².

В условиях образовавшегося партизанского края в Загальщине сохранялся достигнутый ранее уровень атеизма местного населения. В тылу врага в советском районе продолжала существовать завоеванная нашим народом свобода совести. Здесь население не было вынуждено исполнять религиозные обряды, крестить 10—15-летних детей, как это делалось в районах безраздельного господства оккупационных властей. Кроме того, в партизанском крае люди не чувствовали себя бессильными или пассивными перед сложившимися обстоятельствами военного времени. Они были творцами своей судьбы, отстаивая все, от мала до велика, свой партизанский край и добываясь в этом больших успехов. Большинство жителей не испытывало и чувства неизвестности относительно своих родных и близких.

Во многих домах колхозников изучаемой территории в то время по-прежнему не было икон. Большинство населения, как и до войны, не молилось. Характерно заявление колхозника Д. Я. из дер. Подлуг: «Я часто бывал, — вспоминает он, — с односельчанами в их землянках во время бомбежек, но не видел, чтобы они крестились или молились».

Иным стало здесь положение с начала 1944 г. Блокада, фашистские облавы, преследования людей по лесам и болотам, бомбежки, обстрелы, убийства, голод, холод, смерть от эпидемий, наконец, для многих — угон в Германию в фашистское рабство, скорбь по убитым и умершим, тревога за судьбы находящихся в гитлеровской неволе — все это ослабило волю недостаточно сильных духом людей, не успевших еще до войны по-настоящему порвать с религией, толкнуло их к мистике, создало условия для возрождения у них религиозных предрассудков. Об этом говорит, например, такой факт. Шестнадцатилетняя колхозница дер. Старосек К. Ч. попала в 1944 г. на каторгу в гитлеровскую Германию. Там она поддалась отсталым настроениям людей, приравленных фашистской неволей. Когда после нашей победы в 1945 г. К. Ч. возвращалась домой, то в Польше она взяла с собой икону; в настоящее время эта католическая икона, вопреки всякой (в том числе и религиозной) логике, висит в доме ее матери — православной.

Но нам известны и другие явления, вызванные тяжелыми условиями 1944 г., прямо противоположные тому, что случилось с молодой колхозницей К. Ч., когда женщины-колхозницы после гибели родных и близких людей не потеряли силы духа и не обратились к религии.

Интересны в этом отношении взгляды колхозницы А. Г. из дер. Загалье. В чистой половине ее дома красный угол закрыт нарядной двойной занавеской — тюлевой и полотняной, за которой, однако, икон нет. Когда участники этнографической экспедиции 1955 г. спросили у хозяйки, почему у нее в доме нет икон, А. Г. сначала ответила: «До войны было две, а после войны негде было купить³. Если бы купила, было бы красивее». Потом она с улыбкой добавила: «Мы же не молимся. Все равно грешим». После некоторой паузы колхозница с волнением подробно изложила свои взгляды: «У меня до войны были иконы, — заявила она. —

² См. журнал «Коммунист», 1954, № 13, сентябрь, стр. 79—80.

³ На самом деле все жители этой деревни, желавшие купить себе иконы, давно приобрели их.

Я молилась, но почему же бог, если он есть, не спас моего ребенка, который погиб в годы оккупации? А моя мать? Она очень много молилась богу и просила его, чтобы умереть своей смертью. Однако во время блокады ее убили в лесу фашисты.

О своем отрицательном отношении к религии открыто и с возмущением говорит колхозница Н. Ш. из дер. Подлуг, вспоминая о том, что ее муж погиб на фронте в Великую Отечественную войну и бог не спас ее от такого несчастья.

Эти факты показывают, что даже в условиях оживления религиозных пережитков после 1944 г. атеистические взгляды продолжали овладевать сознанием некоторых, в прошлом верующих колхозников.

* * *

Попытаемся рассмотреть степень распространенности среди колхозников религиозных предрассудков и рост атеистических взглядов после войны. Явления эти чрезвычайно сложны и трудны для наблюдения.

Труднее всего определить развитие процесса перехода от одной противоположности к другой, от веры к неверию, от религиозных убеждений к атеистическим. А ведь в жизни чаще всего этот процесс развивается постепенно по определенным ступеням: от зарождения сомнений, появления колебаний в вере у того или иного человека, от овладевающего порой человеком безразличия по отношению к его прежней вере — к полному отрицанию бога и, наконец, к активной пропаганде этим человеком атеистических взглядов среди верующих. В нашей стране в условиях подлинной свободы совести внешнее проявление этого противоречивого процесса чрезвычайно многогранно. Однако ту или иную степень религиозных или атеистических убеждений человека можно определить по его отношению к религиозным обрядам, по содержанию его суждений, по некоторым объективным данным его домашнего быта.

Рассмотрим ряд фактов, которые дадут возможность судить об отношении колхозников изучавшегося нами района к религии, о распространении в их среде атеизма. Это факты, свидетельствующие о внешнем выражении внутренних переживаний человека, связанных с отношением к религии.

Среди религиозных обрядов православного и гораздо менее распространенного здесь католического культа важную роль играют молитвы. Молитва является самой широкой, доступной для всех верующих формой религиозного обряда, который может совершаться в любой, даже в домашней, обстановке. Для произнесения молитвы не требуется ни храма, ни служителей культа.

Что можно сказать о нынешнем отношении к молитвам со стороны колхозников изучавшегося нами района? Подавляющее большинство из них не молится и не учит молитвам своих детей. На территории этого колхоза в ряде семей не молится уже несколько поколений. «Молиться сама не умею и детей не учу», — заявляет колхозница Д. Я., 44 лет (дер. Живунь). Колхозница дер. Старосек Е. С., 43 лет, рассказывает о том же. «Меня никто не учил молиться, — говорит колхозница дер. Старосек М. С., 29 лет, — и я своих детей не учу...». Многие колхозники, знавшие раньше молитвы, давно их забыли. 56-летняя колхозница дер. Старосек Е. С. сказала: «Дети не хотят учиться молитвам, да я и сама уже их не помню».

Есть и такие колхозники, которые помнят молитвы, но своих детей им не учат. Любопытный разговор на эту тему происходил с колхозницей дер. Старосек Л. С. Когда ее спросили, учит ли она своих детей молитвам, она ответила совершенно определенно: «Нет». На вопрос: может быть, она сама не умеет молиться, колхозница ответила: «Я, может, и умею молиться, но детей не учу. Пусть лучше учатся тому, что нужно». Тут же Л. С. с гордостью рассказала об успешной учебе своей дочери,

о том, что та окончила в 1955 г. 4-й класс с похвальной грамотой, хотя школа находится в соседней деревне и ходить туда далековато.

О том, что они никогда не молятся, открыто заявляют колхозницы А. Г. (дер. Загалье), Н. Ш. (дер. Подлуг), колхозник Ф. Р. (дер. Живунь) и многие другие.

Интересно отметить, что колхозники, которые не молятся, также и не крестятся. Однако известно, что в прошлом человек, признававший религию, не имея порою времени для произнесения полного комплекса молитв, ограничивался иногда одним «Отче наш» или скороговоркой произносил еще и «Богородицу», но всегда находил повод перекреститься, благо это времени у него не отнимало. Белорусский крестьянин, который считал себя верующим, крестился перед едой и после еды, перед сном и вставая с постели, крестился во время ударов грома, при несчастных случаях, перекрестясь, начинал новую работу. Теперь колхозник, отказывающийся от религии, отвергает и молитвы и крестное знамение.

Большой интерес представляет отношение белорусских колхозников Любанского района к иконам. В православном и католическом вероисповеданиях чрезвычайно развито иконопочитание. Верующий убеждает себя в том, что, обращаясь к иконе, он обращается к самому богу или к какому-либо святому, изображенному на ней. Кроме того, икона, висящая в доме, до революции являлась признаком лояльности живущего здесь человека по отношению к религии. В дореволюционной России икону нередко вешал в своей квартире даже неверующий человек, дабы не навлечь на себя со стороны властей подозрения в свободомыслии. Так же вынуждены были поступать во время фашистской оккупации и белорусские крестьяне. Колхозники же Любанского района, находившиеся на территории партизанского края, не испытывали такой необходимости. Здесь им никто не навязывал решения вопроса о том, держать ли в своих домах иконы или нет. Полная свобода выбора при решении этого вопроса подтверждается множеством фактов и из нынешнего семейного быта колхозников⁴.

В домах многих колхозников нет икон. Однако почти у всех «покуць» (красный угол), как почитаемое исстари место, прикрыт занавесками. Но нередко за занавесками ничего нет. Часть колхозников, у которых нет икон, прямо заявляет о своем неверии в бога, другая же часть, видимо, еще недавно перешедшая (или переходящая) от веры к неверию, объясняет отсутствие икон различными объективными причинами.

В доме, где живет многодетная семья колхозного кузнеца И. Г. (дер. Старосек), красный угол прикрыт занавеской, а «бога»⁵ еще «не успели купить», — как говорят хозяева. «Как-то не соберусь купить», — говорит при упоминании об иконе колхозница дер. Живунь К. С.

В ряде домов колхозников можно видеть только маленькую иконку. Когда участник этнографической экспедиции обратил на это внимание в доме колхозницы М. С., то хозяйка, шутя, сказала: «Бог негодный. Нужно в Бобруйске купить другого». У колхозницы дер. Старосек М. Л. тоже в углу хаты висит маленькая иконка в самодельной рамке. По этому поводу старуха заметила: «Нужно в Бобруйске купить себе божка, посвятить его у попа да повесить». Красный угол в доме колхозницы дер. Старосек А. Ф. пуст, на стене приклеены только две иконки, вырванные из молитвенника. Хозяйка говорит, что икон «еще не успели купить». Маленькая иконка висит в хате колхозницы этой же деревни О. С.

У некоторых колхозников иконки прилеплены к стене очень небрежно. У бригадира дер. Старосек В. М. в углу квартиры помещена старая иконка без рамки, с загнутыми краями. Зато в красном углу устроены две хорошие полки, на верхней стоит радиоприемник, на ниж-

⁴ Следует оговориться, что все примеры, которые мы будем приводить, взяты из жизни рядовых беспартийных колхозников.

⁵ Так здесь зачастую колхозники называют икону.

ней — питание к нему. В доме колхозника К. В. из дер. Старосек в красном углу висит окаймленная полотенцем рамка, в которой за стеклом помещены рядами фотографии членов семьи и родных. Когда сотрудниками экспедиции было обращено внимание на такое оформление красного угла, хозяйка приподняла нависающий сверху над рамкой край полотенца, и в верхнем ряду фотографий оказались три маленькие иконки, размером меньше почтовой открытки.

Выше уже неоднократно говорилось о том, что в домах у православных встречаются католические иконы. Мы встретили еще одну такую икону, попавшую в дер. Старосек к колхознице Л. С. после войны. Сестра ее задолго до войны вышла замуж в дер. Яминск за колхозника, у которого мать была верующая католичка. После войны, когда Л. С. стала восстанавливать свою сожженную фашистами усадьбу, сестра принесла ей из Яминска католическую икону, принадлежавшую прежде свекрови.

В отношении колхозников изучавшегося района к иконам любопытен еще один момент. Некоторые из них покупают иконы в Бобруйске на базаре. Эти иконы с религиозной точки зрения полагается освятить у священника. Но, зная это, колхозники все же по нескольку лет держат иконы без освящения, объясняя это тем, что не успевают найти для этого времени.

Существуют ли на самом деле хоть какие-нибудь объективные условия, препятствующие проявлению более внимательного отношения колхозников к иконам? Прежде всего, существуют ли какие-либо помехи в деле приобретения икон? На поставленные вопросы можно ответить только отрицательно. Икону можно купить в бывшем уездном городе Бобруйске на базаре, а также у церкви. Там какая-то предприимчивая группа ремесленников наладила выпуск стандартных икон. Она в массовом количестве печатает фотоснимок «богородицы с младенцем» с другой иконы. Металлический оклад вокруг лика «богоматери» заменяют цветной бумагой. Такая средних размеров иконка в рамке со стеклом стоит 25—30 рублей. Конечно, колхозники, делающие закупки промышленных товаров на сотни и даже тысячи рублей, всегда в состоянии выкроить такую сумму на икону. Может быть, у них затруднена связь с Бобруйском, который находится на расстоянии примерно 50 км от колхоза? Ничего подобного. Туда очень часто ездят колхозники на попутных автомашинах и автомашинах своего колхоза. Ведь до этого города всего 2—3 часа езды. Колхозники едут из Бобруйска не только налегке. Мы не раз были свидетелями, когда колхозник нанимал попутную машину (это стоит очень недорого) и привозил себе мебель из Бобруйска. Странно было бы, признавая наличие средств и возможностей для покупки мебели, одежды, домашней утвари, отрицать эту же возможность, говоря о двадцатирублевой иконе.

Нам приходилось наблюдать отсутствие иконы в таких домах колхозников, где полно городской мебели. Выше уже говорилось, что нет иконы в доме колхозника дер. Живунь И. С. Зато здесь есть никелированные кровати, фабричные шкафы, дубовый стол.

А разве отсутствуют средства и возможности для покупки иконы в семье колхозного кузнеца И. Г. (дер. Старосек), где получают тысячи рублей государственного пособия на 8 детей и часто ездят не только в Бобруйск, но и в другие города? Неужели не смог бы при желании купить икону упоминавшийся уже беспартийный бригадир С. Г. (дер. Загалье)? А другой бригадир (дер. Старосек), В. М., неужели был бы не в состоянии купить новую икону или, по крайней мере, сделать рамку к своей маленькой иконке, прикрепленной кое-как над радиоприемником? А разве не нашли бы время и возможности колхозники, уже купившие икону, отвезти ее в районный центр Любань и там освятить? В Любань ведь колхозные машины ходят ежедневно, и ежедневно туда ездят по разным делам целые группы колхозников.

Факты показывают, что никаких материальных причин, препятствующих проявлению большего внимания к иконам, у колхозников изучаемого района нет. Так в чем же дело? Дело, конечно, только в ослаблении религиозных настроений большинства колхозников. Причины отрицательного или безразличного отношения к иконам объясняются довольно просто: колхозники перестают верить в бога, не молятся и за ненужностью не обращаются к иконам. Поэтому многие из них за 13 лет, прошедших после изгнания оккупантов, «не успели» приобрести себе икону. Поэтому-то и для тех колхозников, у которых есть икона, безразлично, освященная она или неосвященная (а такая икона, кстати сказать, с точки зрения православного культа фактически не является иконой, и об этом, как мы убедились, хорошо знают колхозники), новая она или старая, чистая или грязная, маленькая или большая, наконец, православная эта икона или католическая.

В дер. Старосек, насчитывающей 62 двора, только у одного колхозника в красном углу помещено три иконы. У колхозников нет желания заполнить доотказа красный угол иконами, как это нередко бывало раньше. Ни в одном доме из всех шести деревень колхоза им. П. К. Пономаренко мы не видели в красном углу лампады, характерной для православного культа. Портреты, семейные фотографии, радиоприемники вытесняют икону из красного угла. Сохраняясь как явление традиционное, красный угол постепенно теряет свое прежнее значение.

Могут спросить, почему же в таком случае те колхозники, которые с явным безразличием относятся к иконам, не расстались еще с ними совсем?

Прежде всего надлежит иметь в виду, что икона продолжает находиться в доме верующего на протяжении всего периода его колебаний, на протяжении всего времени перехода его от веры к неверию (задача атеистической пропаганды — ускорить этот процесс), и только после этого колхозник расстается с иконой. Находясь в периоде перехода от веры к неверию, колхозник считает, что икона, висящая в хате, вовсе не обязывает его к тому, чтобы молиться и проявлять рвение к религии.

Далее, нередко колхозник, уже готовый расстаться с иконой, держит ее в своем доме потому, что так поступают другие, его соседи. Колхозница дер. Старосек О. Ч., которая также не молится, но имеет икону, заявила члену нашей экспедиции: «Иконы имеют в хатах почти все, ибо это уже такой закон» (это значит — традиция). Задача антирелигиозной пропаганды состоит в том, чтобы создать такое общественное мнение в деревне, когда колхозник не стеснялся бы своих религиозных соседей и поступал в отношении икон так, как ему велит его собственная совесть, чтобы он не скрывал преимуществ своих взглядов более сознательного человека перед некоторыми соседями, находящимися еще под влиянием религии.

Наконец, необходимо иметь в виду и то чрезвычайно важное обстоятельство, что если даже в доме держит иконы кто-либо из верующих, это вовсе не означает, что там верующими являются все члены семьи. Ведь очень часто, особенно в условиях проживания в одной комнате нескольких неверующих, в том числе комсомольцев, они вынуждены терпеть в доме икону из-за одной верующей — бабушки, матери или тетки. Таким образом, даже факт наличия иконы в доме колхозника еще ни в коей мере не определяет отношения к религии всех членов семьи, степени отхода от религиозных верований каждого из них.

Подлинное отношение колхозников к религии сказывается и в употреблении наших крестиков: их теперь в колхозе носят очень немногие. По крайней мере, встретить человека, носящего на шее крестик, удастся теперь далеко не в каждой хате, где даже имеются иконы. А ведь крестик купить еще легче, чем икону.

В послевоенные годы коренным образом изменилось отношение основной массы колхозников исследованного района к религиозным праздни-

кам. Нельзя сказать, что эти праздники теперь не отмечаются. Напротив, колхозники, часто даже в ущерб общественному производству, усердствуют в активном проведении таких праздников. Эти праздники по своему происхождению, по названию и времени их проведения остаются религиозными, но они потеряли свое основное религиозное содержание. Теперь не только воскресенье, которое стало у нас днем отдыха, но и многие важные религиозные праздники проводятся совершенно по-иному, чем до коллективизации и даже в предвоенные годы: в такие дни по-прежнему ходят друг к другу в гости, веселятся, пьют вино, но церковь не посещают, не молятся и дома. Религиозную окраску сохранили, пожалуй, только пасха да рождество.

Нам могут возразить, что изучаемый колхоз им. П. К. Пономаренко находится далеко от церкви, которая расположена в районном центре Любани, на расстоянии 35 км от Загалья, и потому здесь слаб контакт с храмом, чем и объясняется такая особенность праздников. Известно, что даже отдельные пропагандисты, распространяющие научно-атеистические идеи среди населения, теряются, когда видят некоторые церкви переполненными в праздничные дни народом. Но они забывают о том, что в Белоруссии теперь сравнительно немного церквей и что у каждой церкви приход стал в несколько раз больше, чем, скажем, в первые годы коллективизации. Они забывают, что если в праздники бывают переполненными минский кафедральный собор, какая-либо церковь другого города или районного центра, то далеко не везде в Белоруссии существует такое же положение.

Так, в Столбцовском районе Минской области (б. Западная Белоруссия) есть огромное, по белорусским масштабам, село Н. Оно состоит из 400 дворов. В селе имеется церковь. 16 октября 1955 г. в воскресенье, несмотря на то, что была хорошая солнечная погода, церковь эта оказалась на замке. Когда автор этих строк спросил у колхозницы М., почему в церкви сегодня нет службы, она ответила: «Наверное, батюшка заболел». Я возразил ей, заявив, что утром, прогуливаясь по деревне, сам видел священника, который бодро шагал куда-то и был в полном здравии. Убедившись, что собеседник проявляет серьезное внимание к вопросу, колхозница сказала: «Батюшка не в каждое воскресенье служит, потому что мало людей ходит в церковь. Даже женщины сидят на завалинке, а в церковь не идут. В церкви каких-нибудь три бабы. Некому кидать деньги в тарелку».

Когда мы стали дополнительно выяснять, что же делают колхозники в воскресные дни, то оказалось, что они праздник проводят самым различным образом. Одни идут или едут в районный центр Столбцы (расстояние 10 км), другие идут в библиотеку и читальню, молодежь, кроме того, гуляет по улицам. Любят колхозники, получше одевшись, посетить в праздник свой прекрасный сельмаг, сделать там закупки, встретить знакомых. Ходят в воскресенье друг другу в гости. Довольно оживленным местом в праздник становится чайная. А в результате церковная служба происходит только через одно-два воскресенья, хотя православный священник обязан служить обедню в каждый праздничный день.

После сказанного о селе Н. неудивительным, как нам кажется, станет сообщение колхозницы дер. Старосек Н. С., что она за 12 лет после изгнания фашистов ни разу не была в церкви. А она ведь женщина среднего возраста, имеет в хате икону, умеет молиться и, конечно, ездит по делам в такие места, где есть церкви. Таких, как Н. С., в изучаемом районе подавляющее большинство. Эти колхозники не видят надобности в посещениях церкви, между прочим, и потому, что они не исповедуются и не причащаются.

Интересно проследить, каково отношение колхозников сельхозартели им. П. К. Пономаренко к таким религиозным обрядам, как венчание, похороны, поминки, крещение.

Обряд венчания уже перед войной совершался здесь, как упоминалось выше, очень редко. После войны венчание при заключении брака стало еще более редким исключением из прочно установившегося здесь общего правила, которое состоит в том, что брачующиеся игнорируют обряд венчания. Одни открыто объясняют это тем, что они не верят в бога, другие говорят, что венец-де не удержит, третьи просто молчаливо демонстрируют свою убежденность в бесполезности этого религиозного обряда. Это очень показательно для определения отношения к религии.

Хоронят покойников без отпевания и чаще всего без молитв. Очень редко обращаются к священнику с просьбой о поминовении умерших родственников. У белорусского народа издавна сложилась поговорка: «Гэта паможа, як мёртвому кадзіла». Убеждение, звучащее в этой поговорке, теперь овладело массами колхозников. Встречаются и такие случаи, когда колхозники, будучи убежденными в бесполезности поминовения, все же обращаются к священнику, опасаясь осуждения со стороны отсталой части односельчан.

Несравненно более сложным является отношение колхозников к обряду крещения детей. Детей крестило после войны большинство населения изучавшихся деревень, причем случаи крещения детей по сравнению с довоенным периодом участились. В исполнении этого обряда ярче всего проявились отрицательные последствия войны, которые выразились во временном оживлении религиозных пережитков. Однако явления, связанные с этим обрядом, чрезвычайно противоречивы.

Православная церковь рассматривает крещение новорожденного как религиозный обряд, совершаемый в знак приобщения его к этой церкви. Так ли оценивают теперь обряд крещения колхозники изучавшегося района? Выше мы говорили, что основная масса колхозников теперь не молится, многие из них даже забыли молитвы. Почти никто из колхозников не учит молиться своих детей. Однако и среди этих колхозников широко распространен обряд крещения. Получается парадоксальное положение: родители крестят детей, но не принимают никаких мер к тому, чтобы из ребенка сделать действительно православного.

Став взрослым, все эти крещенные не только не молятся, не исповедуются и не причащаются, не ходят в церковь, но и не венчаются, вступая в брак. Не испытывают они никакого побуждения или давления в этом отношении и со стороны крестивших их родителей. Часто бывает наоборот. Колхозница дер. Живунь Е. Я., крестившая своих детей, заявляет категорически еще до их совершеннолетия: «Я не венчалась, и дети мои не будут венчаться».

Странно было бы предположить, что, так определенно игнорируя обряд венчания, колхозники к обряду крещения проявляют особое рвение. Действительно, очень многие дети после рождения остаются подолгу некрещеными. У колхозницы дер. Старосек М. С. весной 1955 г. родился ребенок, но в течение всего лета, при хорошей погоде и транспортных возможностях, она его так и «не успела окрестить».

Интересное объяснение различного отношения к венчанию и крещению дают сами колхозники. Н. С. (дер. Старосек), например, говорит: «У нас после войны в деревне не венчается никто. Детей крестить много легче, чем венчаться, ибо раз в год приезжает священник и всех крестит». Колхозники дер. Живунь рассказывают, что детей возят крестить в церковь (в Любань или Глусск) очень редко. Большинство колхозников крестит детей, когда приезжает сам священник, а он бывает в деревне 2—3 раза в год. Необходимо заметить, что колхозники не всегда пользуются даже этой возможностью.

Весьма примечательный разговор на эту тему состоялся у сотрудников этнографической экспедиции 1955 г. с колхозницей дер. Старосек А. Е. и ее мужем. У них умерло несколько детей. Следуя распространенному некогда в Белоруссии поверью, они вновь родившемуся сыну дали имя

Адам, а дочери — Ева, так как это будто бы может предотвратить дальнейшие случаи смерти детей. Но вдруг в беседе выяснилось, что трехлетняя девочка Евка до сих пор не крещеная. «То времени нет, то поп не приезжает, то в Любани не бываем, то денег нет платить за крещение». Таким образом, даже в этой семье, где очень остро встал вопрос о жизни детей, родители удовлетворялись тем, что сами дали дочке спасительное, по поверью, имя Ева, не считая обязательным, чтобы это имя дал священник, совершив обряд крещения. Случаи, когда детей крестят только в возрасте 2—4 лет, далеко не единичны. У нынешних колхозников нет той боязни держать дома некрещеного ребенка, которая была распространена до революции.

Так почему же все-таки колхозники, игнорируя фактически все другие религиозные обряды или часть их, совершают обряд крещения своих детей? Наиболее правильным нам представляется следующий ответ. Религиозные пережитки чрезвычайно стойки, они связаны с многовековыми традициями. Понятие «крещеный» вошло истари в сознание православного человека. Не принуждая своих детей ни молиться, ни ходить в церковь, ни венчаться, колхозник все же еще не может отказаться от обряда крещения, считая, что если его дети все вопросы, касающиеся отношения к религии, могут в дальнейшем решить сами, то решать вопрос о крещении должны родители, чтобы не вызвать в будущем упрека со стороны детей.

На наш взгляд, даже колхозник, крестящий ребенка, но потом совершенно не приобретающий его к православной вере, во много раз ближе стоит к атеизму, чем, скажем, верующий баптист, который детей не крестит, но воспитывает их в религиозном духе, подготавливая их к тому, чтобы они крестились взрослыми на основе сложившихся у них религиозных убеждений.

Многие колхозники, однако, не крестили бы своих детей, но они не хотят идти наперекор сложившемуся общественному мнению. «Меня,— говорит колхозница М. С., 23 лет (дер. Старосек),— никто не учил молиться и я своих детей не учу, но крестят все, кресту и я». Это очень характерное признание. Действительно, нужно иметь большое мужество атеиста, чтобы восстать против общественного мнения и не крестить своего ребенка, когда в деревне с приходом священника разворачивается энергичная кампания крещения детей. Ведь нельзя не учитывать того, что на протяжении десяти лет после освобождения Белоруссии местные советские, партийные и общественные организации уделяли недостаточно внимания пропаганде атеизма. Они не добились создания в деревне общественного мнения, рассматривающего религиозные пережитки как признак отсталости и невежества.

Вот в отношении венчания, затрагивающего интересы только взрослых людей, которые сами в силах решать вопрос о своем поведении, такое общественное мнение в колхозе им. П. К. Пономаренко уже сложилось. «С венца теперь смеются»,— говорит колхозница дер. Старосек Р. Ч.

Обряд крещения носит лишь формальный характер. Растет такой крещеный ребенок, но не молится, не носит крестика, не ходит в церковь, став совершеннолетним, не венчается. Родители, крестившие его, воспринимают все это как должное, они сами поступают в своем домашнем быту подобным образом. Спрашивается, правомерно ли в подобных условиях утверждать, что эти колхозники сознательно рассматривают обряд крещения как приобщение к православной вере? Факты показывают, что такое утверждение было бы глубоко ошибочным.

Мы привели ряд фактов, показывающих, насколько сложен в колхозной деревне процесс перехода от веры к неверию, к атеизму, насколько разнообразно поведение людей, проходящих этот путь. Яркое проявление всей сложности и разнообразия этого возможно лишь в условиях подлинной свободы совести, существующей в нашей стране. В колхозной деревне

можно встретить несколько категорий людей, различающихся по их отношению к религии. В деревне еще встречаются верующие-фанатики (в изучаемом нами колхозе таких нет), активно пропагандирующие и отстаивающие свои религиозные взгляды. Есть среди колхозников люди верующие, но не рекламирующие этого и терпимо относящиеся к антирелигиозной пропаганде. Некоторые колхозники не называют себя неверующими, но к вере относятся равнодушно. Из этих двух последних групп обычно выходят люди, которые начинают сомневаться в религиозном учении. Иногда они заявляют: «Я не знаю, есть бог или нет». Они с удовольствием выслушают доводы атеистической пропаганды. Относящихся равнодушно к вере и сомневающихся в ней в изучаемом колхозе теперь больше всего по сравнению с другими группами колхозников.

На позиции атеизма переходят и те, кто уже внутренне отказался от религиозного учения, но еще не решается заявить об этом открыто. Некоторые становятся полностью неверующими, они готовы это совершенно спокойно признать в разговоре с любым собеседником, но все же они не выступают активно против религии из-за ложной стеснительности или просто нежелания испортить отношения со своими родными и знакомыми. К сожалению, такие люди довольно часто встречаются среди колхозной интеллигенции, которая призвана сыграть решающую роль в распространении научно-атеистических взглядов в деревне. Наконец, самая сознательная группа сельского населения — это активные атеисты, которые ведут антирелигиозную пропаганду среди колхозников. Эта группа включает не только лекторов и беседчиков. Часто рядовой колхозник, убежденный атеист, своим рассказом из личной жизни, удачным возражением или острым замечанием приносит большую пользу нашей атеистической пропаганде. На таких людей должна опираться сельская интеллигенция в своей антирелигиозной работе.

Нельзя, однако, отрицать, что религиозные пережитки в колхозе им. П. К. Пономаренко еще распространены. В сочетании с различного рода бытовыми суевериями они затемняют сознание колхозников. Так, в колхозе им. П. К. Пономаренко были часты пожары, происходившие от молний во время грозы. Религиозные старушки объясняли это «волей божьей». Руководство колхоза повело с пожарами активную борьбу. Стали сооружаться громоотводы. Особенно много громоотводов было поставлено летом 1955 г. на территории 2-й бригады в дер. Старосек. В связи с тем, что лето 1955 г. отличалось в этой местности недостатком дождей, те же старушки снова повели разговор, что вот, мол, теперь нет дождей потому, что поставили имеющие какую-то неведомую силу громоотводы, которые-де гром отводят, а вместе с громом и дождь отводят от деревни.

Если после войны и оживились религиозные верования и предрассудки, то вместе с этим не исчезли и атеистические традиции, которые сложились в народе за годы Советской власти, особенно в период колхозного строя еще до Отечественной войны, и в последнее время стали вновь овладевать массой колхозников.

Таким образом, с одной стороны, нереальным было бы видеть в колхозниках сельхозартели им. П. К. Пономаренко сплошь атеистов, но, с другой стороны, совершенно непростительным было бы не заметить и не учитывать рост атеизма, развитие тех процессов, которые ведут к атеизму, наличие тех условий, которые составляют исключительно благодарную почву для научно-атеистической пропаганды.

* * *

Итак, отношение белорусских колхозников к религии прошло в изучавшемся нами колхозе Любанского района за время войны и за послевоенные годы несколько этапов. До Великой Отечественной войны здесь были

достигнуты большие успехи в изживании религиозных предрассудков и распространении атеистических взглядов среди населения.

В условиях партизанского края сохранялся достигнутый ранее уровень атеизма. Тяжелые жертвы и лишения, связанные с фашистской блокадой 1944 г., с угоном части населения в фашистское рабство, привели к оживлению религиозных настроений в конце войны. В последние годы возобновился процесс постепенного изживания религиозных предрассудков и роста атеизма.

Конкретное изучение быта показывает, что далеко не во всех колхозах Белорусской ССР существует точно такое же отношение к религии, наблюдается та же степень распространенности атеизма, как в колхозе им. П. К. Пономаренко. Однако подобный процесс перехода от веры к неверию, от религиозных предрассудков к атеистическим взглядам идет теперь повсюду. От этнографов требуется максимум внимания к изучению этого процесса на конкретных объектах этнографического исследования. Такие исследования помогут нашим пропагандистам понять всю сложность тех условий, которые должны обязательно учитываться при ведении научно-атеистической работы среди верующего населения.